

500 STREET PHOTO NET

УЛИЧНАЯ ФОТОГРАФИЯ НА ПРОСТОРАХ БЫВШЕГО СССР

≡ MENU

ДМИТРИЙ МУЗАЛЕВ

Россия. Москва.

— **Что для вас уличная фотография? Какое место она занимает в вашей жизни?**

— «Уличная фотография» – это институциональная рамка. Есть довольно значительное число мест под этой вывеской (фестивали, журналы, сайты и т.д.), в которых можно показывать фотографию. Есть в каждой такой ячейке набор ограничений: какой эта фотография может быть, а какой не может. В целом «уличная фотография» – это едва ли не единственный контекст, в котором можно показывать чистую неиллюстративную фотографию. Во всех других случаях требуется укомплектовать снимки каким-то

внешним смыслом. Это мне импонирует, но, к сожалению, мои фотографии и с точки зрения стрита вполне маргинальны, так что уличным фотографом я себя счесть не могу.

— Как начали снимать улицу? Когда? Почему?

— Мне подарили фотоаппарат на десятилетие. Вечером мы вышли провожать гостей, и я снял улицу: мама, бабушка, троллейбус и девочка в окне.

Спустя лет 30, когда я нашел этот отпечаток и опубликовал его в ЖЖ как исторический прикол, получил волнующий комментарий: «о, Господи, это же я там в окошке!». Должен признать, что на этом мои успехи в уличной съемке закончились. Я снимаю свою среду. Не думаю, что это естественное безальтернативное влечение, скорее это вытекает из образа жизни: что могу, то и снимаю. Улица является частью этой декорации, но к актерам других пьес, с которыми приходится делить пространство, я более или менее равнодушен.

— Кто из классиков фотографии оказал на вас влияние? Почерпнули ли вы что-либо из их работ?

— Заметное влияние на начальном этапе на меня оказал супрематизм. Затем надо упомянуть круг художественных явлений 20-х годов XX в, которые условно объединяют термины “новая вещественность” и “магический реализм”. Ну и последнее по исторической хронологии – американская реалистическая живопись второй половины XX в. В фотографии одним из первых авторов, от просмотра которого я получил что-то вроде иницилирующего воздействия, был Ги Бурден. Из русских и несколько позже – Александр Слюсарев и Александр Лапин (последний больше в качестве собеседника). Я мог бы вспомнить еще некоторых фотографов, которые оказались близки (например, Гарри Груайяр, Борис Савельев, Франко Фонтана), но их всех я узнал довольно поздно, и о влиянии поэтому трудно говорить. Хотя, конечно, влияние часто оказывается опосредовано, через третьи руки, так что в этом вопросе трудно быть точным.

— Кто из современных авторов вам интересен? Почему? Чем их творчество привлекает вас?

— Не готов называть имена, потому что любой набор, который я вспомню, будет случайным и несправедливым. Я смотрю много современной фотографии, нашей и зарубежной. Интересное встречается, но оно фрагментарно. Затрудняюсь назвать хотя бы одно имя из появившихся за последние лет 20, о ком можно было бы сказать, что это мощное, цельное и полнокровное художественное явление. Многие авторы на моих глазах делали мощный многообещающий рывок, но в явление не превратились. Такое ощущение, что вакансии этого типа в обществе закрылись, и в этом качестве уже просто невозможно реализоваться. Сказанное относится не только к постсоветским территориям.

— Есть ли у вас излюбленные приемы съемки на улице? Своя тема?

— Лапин довольно долго пытался научить меня анализировать фотографии. Спустя время, выслушав очередную телегу, он очень серьезно посмотрел на меня и сказал: «Знаешь, Дима, ты снимай давай, у тебя более или менее получается», – выдержал драматическую паузу и прибавил, – «и лучше молчи». Это было большое облегчение. Так что я не думаю о приемах и не разбираю фотографии. Приемы наверняка есть, но я о них ничего не знаю.

— Считаете ли жанр стрит-фотографии исследованием?

— Потянулся к кобуре.

— Есть ли, на ваш взгляд, разница между стритом и формалистикой? Имеет ли право быть чистая форма в стрит-фотографии при отсутствии сюжетной составляющей?

— Формалистика – смешная концептуализация. Видимо имеется в виду, что фотография должна быть внятной и хорошо сделанной. Если отставить в сторону событийную фотографию, где главное, чтобы было хорошо и разборчиво видно, что происходит, – то осмысленный цвет, композиция и т.д. – это просто “язык”, на котором “говорит” изображение (кавычки подчеркивают метафоричность словоупотреблений). Это минимум, после которого можно начинать обсуждение. Если этого нет, и во рту каша, то отсутствует предмет. Так что разница между стритом и формалистикой примерно такая же как между новеллой и грамотностью.

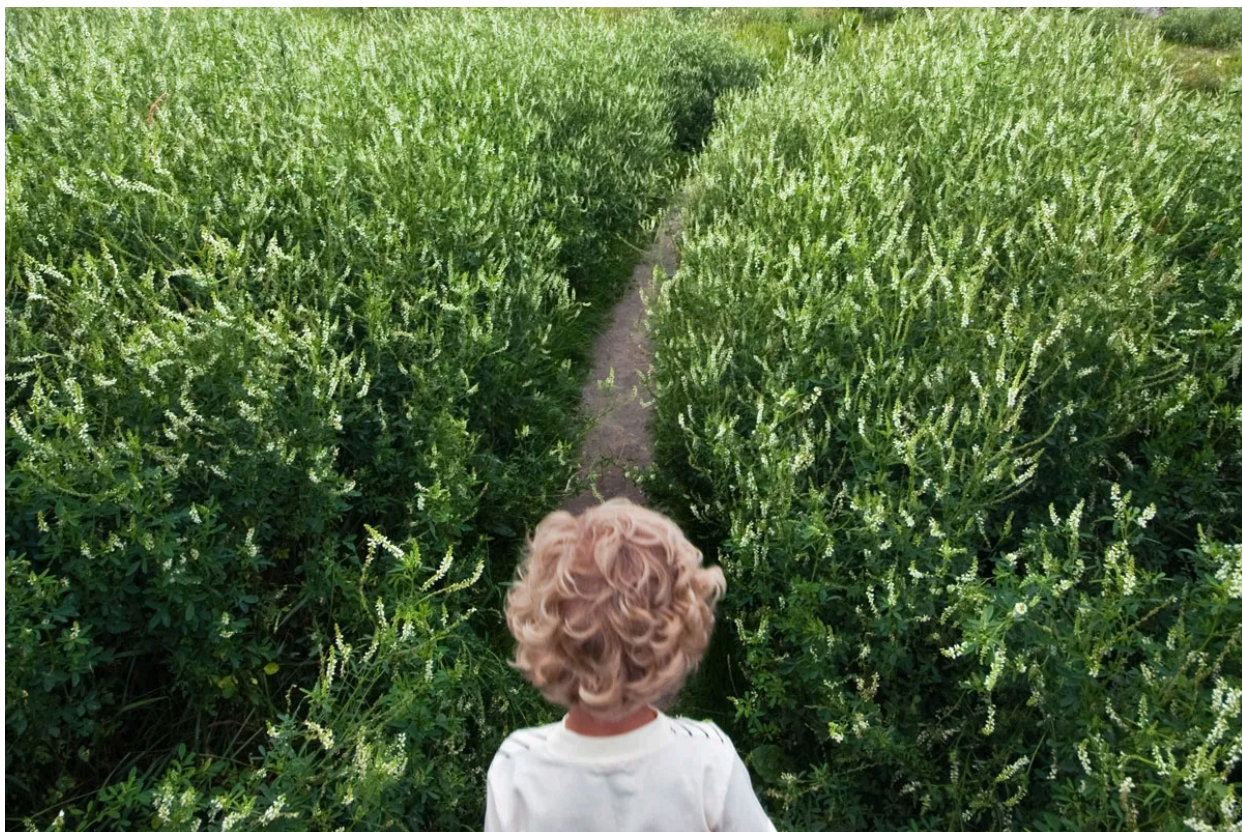

— Участвуете ли вы в фотоконкурсах?

— Участвовал в «Серебряной Камере» давно раза три, в конкурсах нескольких журналов, пока у нас еще были журналы по фотографии. Не без успехов. На первом ФУФе висел. Иногда в фейсбуке в ленте всплывает какой-нибудь «оупенколл», и я что-то куда-то отправляю, если он бесплатный. Иногда где-то что-то берут. Но это единичные события. В целом это выглядит довольно бессмысленной деятельностью. Я никак не ощущаю того факта, что моя фотография висела, к примеру, на EASTREETe. То есть нет вообще никакой разницы, висела или нет. Я там не был, а остального не существует. Никакие конкурсы не являются социальным лифтом для фотографа, если он не вписан в соответствующее профессиональное сообщество (и абсолютное большинство конкурсов не имеют никакого отношения ни к какому профессиональному сообществу). Изучите биографии звёзд, и вы не найдете там сюжета “победил в таком-то конкурсе и...”. К тому же, мой контент практически ни на что не годен. Стоит у конкурса появиться теме – и всё, мне уже туда отправить нечего.

С другой стороны мое знакомство с Лапиным произошло только благодаря участию в конкурсах журнала F&V. Ему в какой-то момент заказали серию учебных статей и предложили проиллюстрировать их снимками из тех, что присылались на конкурсы. В этой гряде он меня и нашел, захотел одну из статей посвятить моим картинкам, и по этому поводу позвал в гости.

Так что, возможно, этим просто стоит заниматься в каких-то промышленных масштабах в надежде на случайность. Но у меня нет мотивации. Думаю, для меня стимулом был бы конкурс, посмотрев победителей которого, я сказал бы “ах!”. Но мне такие не попадались. Везде более или менее одна и та же средне-серая ботва (часто довольно беспомощная, но иногда очень качественная) от силы десяти давно надоевших разновидностей, ни к одной из которых мои снимки не относятся.

— Является ли фотография вашей профессией?

— Нет.

— Какую технику вы используете для съемки? Какие линзы в основном? Какими объективами снимаете стрит? Чем нужно снимать стрит, по вашему мнению?

— iPhone, 5D Mark II + Sigma 24-70 + Юпитер 135мм, NEX5, Rolleiflex Planar 3.5/75.

Раньше еще пользовался Sony a100, у которой помимо кита был очень приличный SIGMA 10-20. По нему вот скучаю.

— Какие советы вы бы могли дать тем, кто только начинает свои шаги в уличной фотографии?

— Сложный вопрос. У каждого свои причины заняться фотографией и свои ожидания в связи с этим. Советовать, как сделать что?

— **Что для вас Интернет и соцсети?**

— Об этом можно очень многое сказать, но не понятен контекст вопроса. Да, я интернет-зависимый, если речь об этом.

— **Кого вы считаете своим учителем, если такой человек существует?**

— Отношения учитель/ученик в искусстве возникают сейчас крайне редко. Это предполагает, что ученик должен много лет работать вместе с учителем, осваивать его инструментарий и художественный мир, участвовать в создании работ учителя, а потом унаследовать практику. Так же не бывает, правда?

— **Важна ли вам обратная связь со зрителем? Как вы ее получаете?**

— Если речь о зрителе вообще, то как все – лайками. Зачем мне это надо, разумно объяснить невозможно, но раз продолжаю публиковать картинки в соцсетях, значит надо. И, конечно, помимо вообще-зрителя есть совершенно конкретные люди, чье мнение мне по разным причинам интересно.

— **Можете ли вы словами описать ваши визуальные ощущения от какой-нибудь фотографии?**

— Не понимаю, что такое «визуальные ощущения». Если речь о впечатлениях, то да, конечно. Любой может. Вопрос же не предполагает, что это описание должно быть тождественно фотографии и оказывать на слушателя такое же воздействие как фотография на зрителя?

— Должен ли быть “смысл” в фотографии?

— Вопрос «должен ли» подразумевает продолжение «чтобы». И тут возможны варианты в зависимости от того, чтобы что. Фото со “смыслом” легче куда-нибудь пропихнуть. Эта ситуация мне не нравится как любое тоталитарное искусственное ограничение. Но было бы наоборот, я бы, наверное, защищал фотографии со “смыслом”.

— Какие задачи решает уличная фотография? Решает ли вообще?

— Это индустрия досуга мыдла.

— Существует ли готовый рецепт хорошей стрит фотографии? Если есть то каков он?

— «И вот уж он шел к нам навстречу, в абсолютно непромокаемом пальто с поясом, клапанами, фотоаппаратом через плечо, в пестрых башмаках, подбитых гуттаперчей, сося невозмутимо (а все же с оттенком смотрите-какое-сосу-смешное) длинный леденец лунного блеска, специальность Фиальты.»

— Является ли фотография искусством? Если да, то каким, чисто визуальным или не совсем, выходит ли фотография из плоскости визуального?

— Чтобы ответить на этот вопрос, надо сначала определить, что такое искусство. Я об

этом писал, так что дальше будет компиляция из текстов, которые читателю уже могли встречаться. Я полагаю, что попытки онтологического определения искусства – это крайне важный для практикующих ПРОЦЕСС, но функционального значения ни одна из версий такого определения иметь не будет. Поэтому я предпочитаю определять искусство как общественный феномен – через его социальную функцию и модус операнди. Получается как-то так: “Принято думать, что цель искусства – формулировать значимые высказывания. У художника должна быть ясная идея для воплощения. Зрителю важно понять, что он хотел сказать, и насколько ему это удалось. Эта точка зрения отражает реальность, но является сильным упрощением, хотя и очень удобным для любителей поговорить об искусстве. Настоящая социальная функция искусства – формировать чувство настоящего и образ будущего, т.е. в конечном счете для общества искусство организует формирование целеполагания. Ключевые слова тут – чувство настоящего. Целеполагание задается не вербальной установкой, а настройкой эмоциональных реакций.

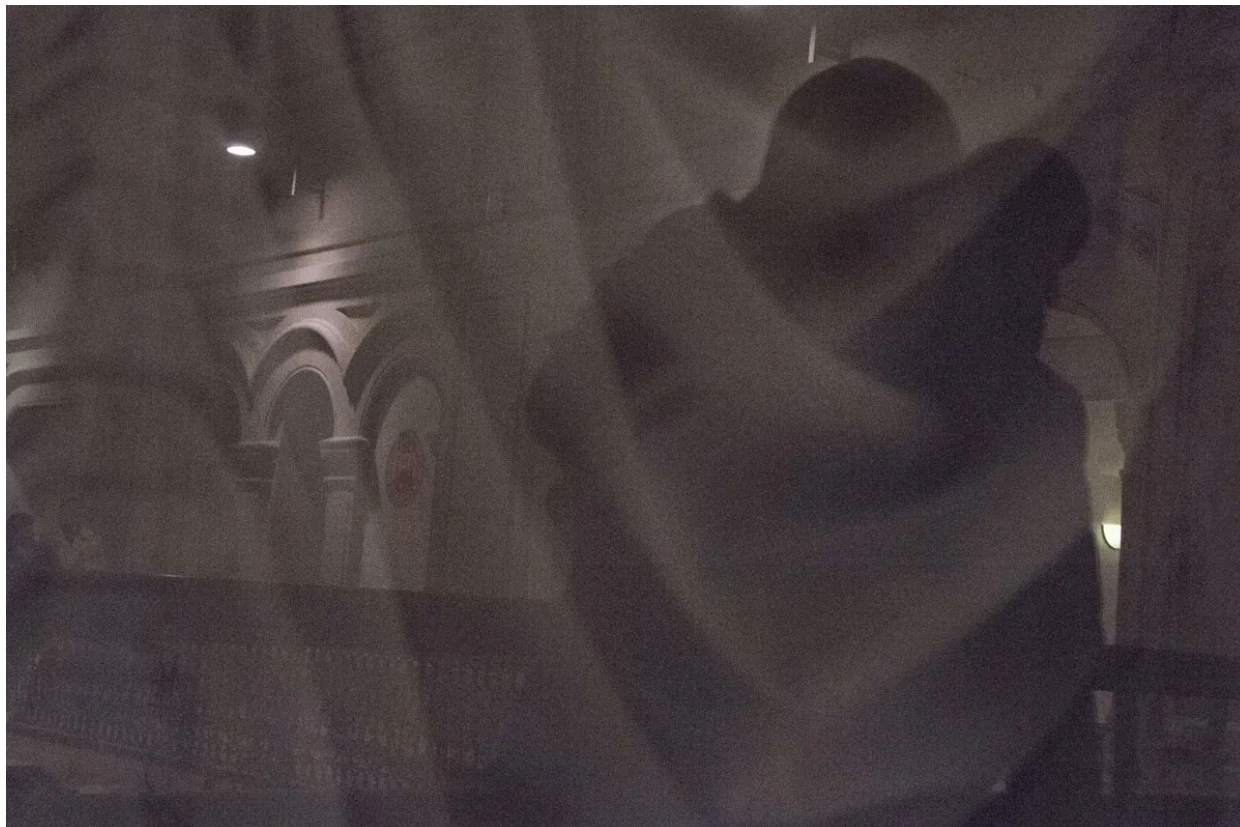
Мы смотрим вокруг сквозь призму стереотипов восприятия, сформированных вчера, наши оценки и отношения заданы установками, которые относились к другой, вчерашней реальности. Художественная практика состоит в абстрагировании от стереотипов и попытках прямого соотнесения с настоящим. Каким было наше сегодня, мы узнаём из суммы результатов этих соотнесений, и как только возникает новое чувство настоящего, появляются новые притяжения и отталкивания, которые уводят современность дальше, вперед, и таким образом обеспечивается динамика цивилизации.”

Очевидно, что сейчас среди того, что пылится под вывеской “искусство”, крайне трудно найти что-то, что отвечало бы этому определению. Эти изменения связаны в первую очередь не с доступностью и вытекающей из нее затоваренностью (научиться безупречно рисовать совсем не сложно – надо всего лишь 10 лет упорно учиться, и тех, кто это сделал, всегда было на порядки больше, чем даже посредственных художников), а с изменением способа функционирования искусства как социальной практики.

Искусство стало внутренним феноменом ряда специализированных субкультур и больше не влияет на самосознание общества. Основная социальная функция субкультуры противоположна по сути прежней традиционной функции культуры.

Это – утилизация соответствующего человеческого материала, создание рамочной ситуации, в которой невозможно сделать ничего общезначимого, способного повлиять на будущее. Не случайно основным каналом «понимания» искусства последних десятилетий стало не образование, насмотренность и общий культурный уровень, а ощущение причастности (в большинстве случаев воображаемой, конечно, – но это работает). Субкультуры обслуживаются обществом по разным разрядам в зависимости от оценки опасности человеческого материала, который утилизируют. Контемпорари арт, оформлявшийся как гетто для левых интеллектуалов со склонностью к экстремизму (и потенциальной крышей в виде ужасного СССР), именно поэтому и был долгое время самой респектабельной из арт-субкультур. Нам, безобидным чудакам, в этом смысле рассчитывать особо не на что. При этом я не являюсь идейным противником совриска – искусство как искусство, состоит из авторов, хороших, похуже и совсем никуда, – как и все

прочие. Я говорю об определенной социальной динамике, которая изменила условия и рамки функционирования феномена искусства в обществе. В авангарде сейчас находится то, что может прорвать субкультурные рамки и выйти на прямое взаимодействие с обществом. Из «старых» искусств на это пока способно только кино. Еще недавно музыка, но, кажется, уже всё. Из «новых» – акционизм и разного рода арт-сектантство а-ля ИГИЛ. В результате сейчас вопрос о том, является ли нечто произведением искусства, попросту не релевантен наличным обстоятельствам. Нечты можно классифицировать только по степени похожести на то, как выглядело искусство во времена, когда оно существовало в своем привычном виде. Это не проблема формы или содержания нечт – что бы ни было создано, оно не сработает как произведение.

— **Что для вас хорошая фотография?**

— Мне неизвестны формальные критерии, с помощью которых это можно определить. Всё решает личный вкус.

— **Самоценна ли для вас так называемая “художественность” фотографии?**

— Если сделать миллион предположений о том, что под этим подразумевается, то да.

— **Есть ли разница между стритом в вашей стране и тем, что снимают в мире?**

— Разница меньше, чем в какой-либо другой области фотографии. Труба пониже, дым пожиже, а так —

— Сколько лет дано фотографу на осуществление своих творческих планов, замечаете ли вы усталость от фотографии?

— Всё очень индивидуально. Большинство более или менее сдувается максимум лет за десять, и в лучшем случае продолжает производить то же самое, что сделало их известными, только без драйва (Мартин Парр). Кому-то удастся драйв сохранить (Борис Савельев), а кто-то находит силы пойти на второй и третий круг (Александр Слюсарев). Однако эти рассуждения имеют смысл применительно к авторам, для которых фотография – основная деятельность. Если фотография – нагрузка к “обычной” жизни, то невозможно успеть не то, что исчерпаться, – даже представить полноценно какой-нибудь небольшой фрагмент своего взгляда на мир. И здесь основное влияние на творческую активность начинают оказывать совершенно посторонние факторы. Время моей максимальной вовлеченности в фотографию закончилось примерно после 2012 года. Мне надоело снимать ближайшие к работе и дому три с половиной угла в Москве наверное уже в 2010-м, но с 2009 по 2012 год случился период активных поездок, который принес много новых впечатлений и кадров. И как раз в это время у меня стали появляться один за другим отчетливые образы того, что я хочу показать, осмысленные планы, и т.д. Для их осуществления больше не подходил режим “слоняюсь где придется когда получится”, требовалось увеличивать объем работы в разы. И это было абсолютно несовместимо с моим образом жизни.

Я скептически относился к идее попытаться что-то заработать на фотографии, но решил, что личный опыт лучше абстрактных соображений, и начал публичную компанию по продаже отпечатков. Ничего путного из этого не вышло, но мне удалось познакомиться с фотографической средой с совершенно неожиданной стороны.

Во-первых, оказалось, что у очень значительной части аудитории, которая пишет тебе восторженные комментарии, сам факт того, что под картинкой появился ценник,

вызывает агрессию. Логика ее возникновения примерно такая: я тебя смотрю и лайкаю, значит ты мне должен, а ты мне еще и денег тебе предлагаешь заплатить, сука?

Во-вторых, выяснились параметры картинки, относительно которой средний любитель фотографии готов хотя бы задуматься о потенциальной возможности ее купить. На ней должно быть что-то, что он не сможет увидеть живьем, снятое так, как у него не получится (панорамный вид Антарктиды, снятый на листовую пленку). Важно, что при оценке, получится или нет, играет роль исключительно технический аспект. Типовое обсуждение: да я что дурак это покупать, вон на улицу выйду и сам такое сниму! Вы уверены? Ну похуже, конечно, получится, но какая разница!

В-третьих, стал понятен уровень требований потенциальных потребителей к ценам. Основной спрос заканчивался на сумме 1000 руб за отпечаток. До 1500 еще что-то теплилось, а дальше оставались только люди, у которых есть коллекция (все два). Я же рассматривал в качестве минимума для начала 3000 руб (100\$ по тогдашнему курсу). За меньшие суммы продавать было бессмысленно в принципе – с учетом потраченного времени и расходов на печать не окупался даже сам процесс продажи.

Наконец, в-четвертых, на сообщество, созданное для публикации объявлений о продаже, почти никто не давал ссылок. Даже мои друзья. Даже те из них, кто подбивал меня на эту аферу. И да – даже те авторы, которые в сообществе публиковали свои предложения о продаже.

В целом можно сказать, что это была комедия.

Выводов я зафиксировал два:

Фотолюбитель – это не тот, кто любит фотографию, а тот, кто любит фотографировать. Ресурсом для автора эта среда не является, и таким образом не представляет особого интереса. Среди фотолюбителей и фотографов полно отличных людей. С ними надо бухать, но совместных дел, подразумевающих ответственность, солидарность и т.п., лучше не иметь.

Как эти открытия повлияли бы на мои настроения, выяснить, впрочем, невозможно, потому что как раз в этот момент моя жизнь надолго изменилась: посыпались беды, и свободное время исчезло до стадии “спать некогда”. Я не перестал снимать (телефоном на бегу в основном), и у меня не перестали случаться интересные кадры, но это была какая-то совсем другая жизнь, в которой фотография не играет сколько-нибудь заметной роли. Период закончился прошлым летом. И сейчас, глядя на свет, появляющийся за окном после привычного мрака, я прислушиваюсь к своим желаниям, и не могу решить ничего определенного. Снимать иногда хочется, но не понятно зачем. Всё, что людям на самом деле нужно, – хрр-хрр роликом в ленте. Так не интересно. А поваляться в кровати или посидеть на бревне в лесу я люблю не меньше, чем по городу шататься.

— Вы уже сняли кадр всей своей жизни, или он еще впереди, на ваш взгляд?

— Кадр жизни бывает у авторов, которым случилось стать частью поп-культуры благодаря

какому-то стечению обстоятельств. Не уверен, что я хочу этого.

— Делает ли фотография вас одиноким или, может быть, наоборот, привносит в жизнь новых людей?

— Мы умираем в одиночку, поэтому одиночество непреодолимо. А круг общения фотография, конечно, сильно расширяет.

— Как вы относитесь к профессиональной фотографии?

— Что мне Гекуба?

— Готовы ли посвятить творческой фотографии всю свою жизнь, при этом, возможно, не получая успеха в общепринятом понимании этого слова?

— Я не рантье и не содержанка, вопрос не имеет практического смысла.

— Можно ли сказать, что у вас уже есть свой узнаваемый почерк?

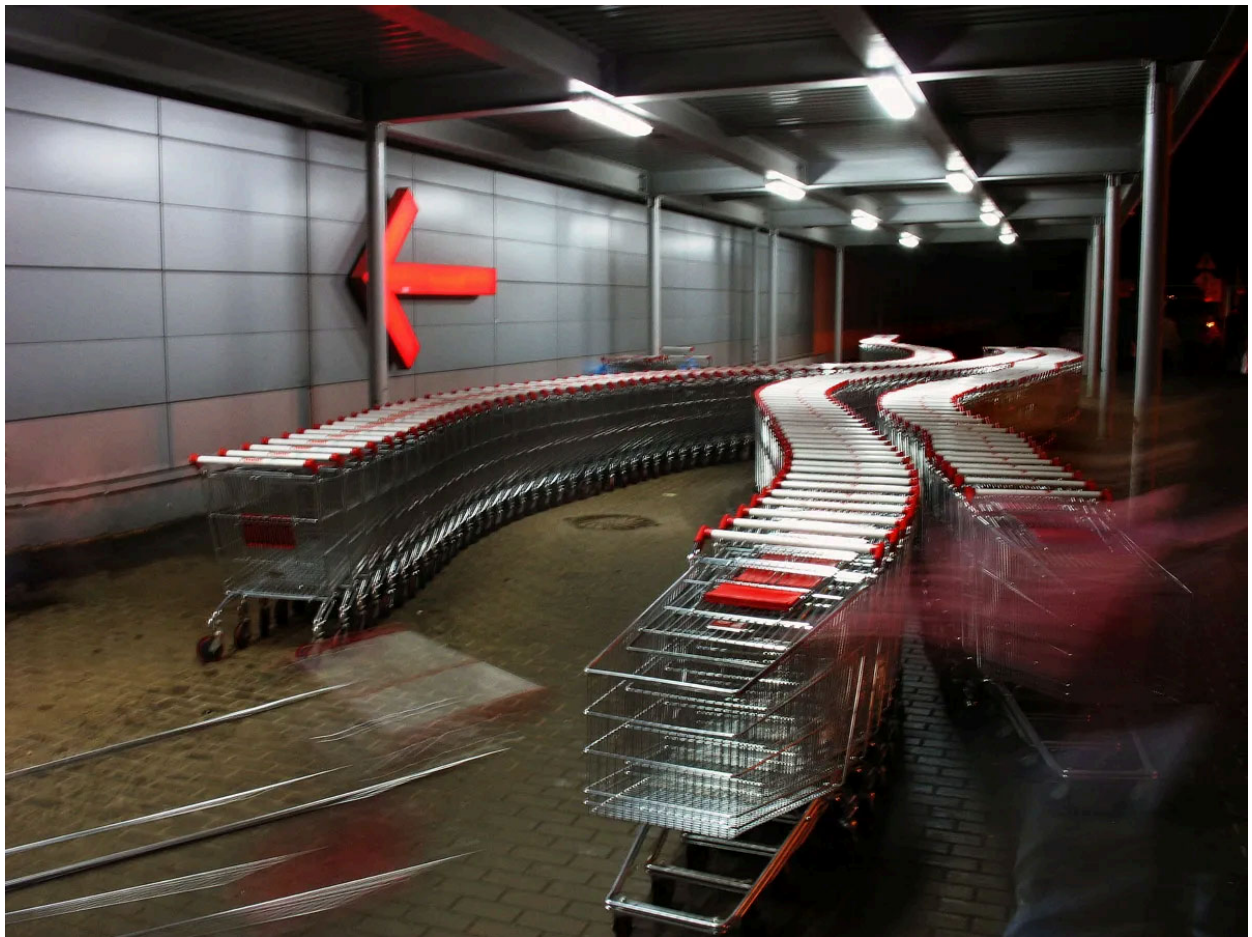
— Смущает слово «уже». Я бы, наверное, ответил «уже нет». Некоторые характерные особенности моего почерка были довольно успешно апроприированы нашей современной фотографической культурой. И это лучшее, что могло произойти. Впрочем, может и не прижиться, так что поживём – увидим.

— Случались ли у вас конфликты при съемке на улице? Как вы из них выходите? Как избежать конфликтов при уличной съемке?

— Да. Под конвоем. Со временем я понял, что лучшая стратегия, когда к тебе начинают задираться, рассказывать правду. «Я снимаю угол вашего дома, потому что тут очень красиво. Вот, посмотрите, ведь правда? Нет, вы посмотрите-посмотрите.». Люди понимают, что ты неопасный сумасшедший (они правы), и как правило отступают. Но на человека при исполнении это не действует, так что меня пару раз задерживали. Один раз военные, другой – ФСБ. Писал объяснительную: «снял подъезд дома №Х, потому что мне понравилось, как он был освещен».

– Добавь, пожалуйста, «освещен красивым вечерним светом», – глумился лейтенант ФСБ. Ему был вполне ясен идиотизм инструкции, которую пришлось выполнять, и он рад был со мной поболтать пока с Лубянки на большой черной машине ехал чин, без санкции которого меня нельзя было отпустить.

— **Существуют ли у вас последователи, ученики, может быть, даже своя школа?**

— Есть люди, на которых в какой-то момент их жизни мои фотографии оказали определенное влияние. Некоторые об этом говорили, некоторые нет, так что мне, может, только так кажется. Слава богу, никто не заиклился, все идут своим путем. А так – я в лучшем случае интроверт (если не аутист), и не гожусь служить центром, вокруг которого формируется какая-то тусовка.

— **Как вы относитесь к подражательству в искусстве?**

— Как-то обсуждал этот вопрос с Александром Слюсаревым, и он сказал: «Да не бойся, делай что хочется, всё равно получится по-своему». Думаю, он прав.

— Если подводить промежуточную черту, какой самый неожиданный итог вы получили, занимаясь этим делом?

— Самый неожиданный итог в том, что мои фотографии оказались интересны огромному количеству людей, среди которых много сложных, умных и тонких. Ни на что подобное я не рассчитывал.

— Занимаетесь ли вы помимо самой фотосъемки еще и околофотографической деятельностью, перечислите чем, пожалуйста. Какое место оно занимает в вашей творческой жизни?

— Почти не занимаюсь.

а) Я участвовал в товариществе «Фотопередвижки» – ездили с отпечатками по фотоклубам. Было интересно, но места быстро кончились. Мы все работали, и поэтому были ограничены расстоянием «ночь пути», а фотографическая жизнь у нас не то, чтобы кипит. В большинстве городов нет вообще ничего, а в Питер нас не пригласили.

б) После выставки «Метафизическая фотография» мы организовывали ежемесячные встречи фотографов: поговорить, посмотреть новые отпечатки. Постепенно нас отовсюду поперли. Площадки были готовы предоставлять помещение при условии, что будет приходить человек пятьдесят. Мы и вначале столько не набирали, а посещаемость от встречи к встрече всё падала. К тому же постепенно мы и сами стали меньше печатать.

в) Я выступил куратором одной выставки в рамках второго сезона INNERVISIONS. Кажется, это всё, не считая каких-то лекций и творческих встреч.

PROUDLY POWERED BY WORDPRESS | THEME: SELA BY WORDPRESS.COM.